

То, что Тан Шэнь — ученик Фу Вэя, знали все. И хотя сам Фу Вэй никогда не переступал порога Академии Ханьлинь, номинально он оставался её главой. Кроме того, Тан Шэнь ладил с Ван Чжэнем. Финансовый приказ отвечал за выбор участков и ремонт резиденций для тройки лучших выпускников: усадьбы для занявших первое и второе места подобрали в западной части города, и лишь Поместье Таньхуа расположилось на востоке, совсем рядом с Резиденцией министра.

В свете судачили, будто Ван Сяо приходится Ван Цзыфэну родственником. Родство это, впрочем, было седьмой водой на киселе — связь между ними едва прослеживалась. Приехав в Шэнцзин, Ван Сяо несколько раз навещал Ван Чжэня, и тот принимал его радушно, но эта радушность оставалась чисто формальной.

А вот Ван Чжэнь и Тан Шэнь были настоящими братьями-соучениками.

Как бы ни негодовал в душе Ван Сяо, самое большее, на что его хватало — это проворчать:

— Проклятый протеже!

Однако он и не подозревал, что нынешнее повышение Тан Шэня до придворного летописца никак не связано с Ван Чжэнем. Его повысил лично Император Кайпин, Чжао Фу.

Среди трех сочинений, отобранных Ян Ци для представления императору, разумеется, было и эссе Тан Шэня. Тан Шэнь начал его словами: «Летающий дракон в небесах — пребывает в небеской добродетели. Показавшийся дракон на пашне — Поднебесная озарится просвещением». Эти строки были взяты из гексаграммы Цянь классического труда «Чжоу и». Ученый Ян, едва заведя их, пришел в полный восторг, и в его памяти сразу всплыли те пять сочинений, что Тан Шэнь представил на провинциальном экзамене.

— Ну что ж, пусть тогда мне не удалось сделать тебя Цзеюанем, теперь эта несправедливость исправлена, и у меня на душе наконец-то спокойно!

Задоблив в самом начале Ученого Яна, в середине и конце эссе Тан Шэнь принялся безбожно сыпать цитатами. Он надергал выдержки из даосских трактатов «Дао дэ цзин», «Чжуан-цзы» и «Хуайнань-цзы» и рассыпался в витиеватых славословиях великим свершениям Чжао Фу за двадцать семь лет его правления. Следом он превознес Чжао Фу как мудрого правителя, подобного небожителю. Слог его был столь пышным, что казалось, Тан Шэнь жаждет заявить прямо в лицо государю, что Его Величество — сущий небожитель.

Это сочинение Тан Шэнь написал в тот самый вечер, когда они допоздна беседовали с Ван Чжэнем, причем сочинял прямо на его глазах. Тан Шэнь и сам понимал, что на него, должно быть, нашло какое-то затмение, раз он выдал столь непревзойденный образец лести. Возможно, виной тому была одолевавшая его дремота, из-за которой он писал словно в тумане. Потребуй от него кто-нибудь повторить нечто подобное, он бы ни за что не справился: для этого требовалась куда более толстая кожа!

Так или иначе, удача улыбнулась Тан Шэню: его повысили до придворного летописца, и теперь он вошел в круг лиц, приближенных к государю. Скупиться он не стал и устроил празднование в Тереме Цяньли, пригласив сослуживцев и нескольких близких товарищей из числа сдавших с ним экзамен цзиньши.

Вернувшись вечером домой, он поделился новостью с Яо Санем. Тот искренне обрадовался:

— Молодой хозяин, да у вас двойная радость!

Тан Шэнь удивился:

— Двойная? А какая же вторая?

— Да это дело давно пора было уладить, — ответил Яо Сань. — Еще полгода назад, когда молодой хозяин удостоился звания Таньхуа, барышня А-Хуан собиралась выехать из управы Гусу, чтобы воссоединиться с вами. К несчастью, моя матушка внезапно слегла с сильной простудой и не смогла взойти на корабль. Барышня А-Хуан наотрез отказалась бросать ее одну и осталась в управе Гусу ухаживать за ней. И этот уход затянулся на целых полгода! В прошлом месяце матушке полегчало, а пару дней назад они наконец сели на судно. Думаю, недели через две они уже будут в Шэнцзине!

В мыслях Тан Шэня возник образ девчушки в грубом холщовом платье, которая, надув губы, сердито кричала: «Тан Шэнь, не смей сорить деньгами!» На душе у него потеплело, и он с улыбкой произнес:

— Хорошо, будем ждать их приезда!

Шестого числа десятого месяца Фу Вэй слег с простудой. Закончив службу, Тан Шэнь сразу же отправился в Поместье Фу, чтобы навестить наставника. Час спустя туда же прибыл и Ван Чжэнь.

Поговорив немного с наставником, они дождались, пока тот уснет, и вместе вышли со двора.

Выйдя за ворота Поместья Фу, Тан Шэнь вдруг спросил:

— Шисюн, найдется ли сегодня у тебя дома хорошее вино и угощение?

Ван Чжэнь с удивлением посмотрел на Тан Шэня и мгновение спустя с улыбкой ответил:

— Разве бывало когда-нибудь, чтобы мой младший шиди пришел в гости, а у меня не нашлось для него хорошего вина и угощения?

Тан Шэнь кивнул: «Тогда подожди, пока я сначала вернусь домой, сниму это официальное одеяние, а затем пойду искать старшего брата».

— Тогда я сначала заскочу домой сменить чиновничье платье, а после приду к шисюну.

Ван Чжэнь пристально посмотрел на него, лишь улыбнувшись в ответ.

С наступлением сумерек Тан Шэнь, переодевшись в простые сине-зеленые одежды, действительно пришел в Резиденцию министра.

В просторной Резиденции министра царило безмолвие. Ван Чжэнь велел накрыть стол во дворе, прямо у журчащего пруда. В лунном свете в воде резвился десяток золотых карпов. Поскольку Ван Чжэнь редко разговаривал за едой, Тан Шэнь тоже хранил молчание. Когда они закончили, управитель убрал посуду и принес чайник со свежесваренным чаем.

Они сидели молча, любуясь луной в вышине и неспешно прихлебывая чай.

Вдруг Тан Шэнь достал из рукава какой-то предмет и осторожно опустил его на каменный стол. Раздался тихий, чистый стук.

Ван Чжэнь опустил взгляд и, слегка опешив, посмотрел на Тан Шэня:

— Младший шиди?

— «Прекрасен наш благородный муж — словно резная кость, словно шлифованный нефрит». Мне давно известна твоя чистота и благородство, шисюн. Эту яшмовую подвеску я попросил разыскать в управе Гусу. Потребовалось два месяца, чтобы найти кусок прозрачного белого нефрита — мне показалось, он идеально подойдет к белым парчовым халатам, которые ты обычно носишь. Я знаю, что шисюн происходит из Клана Ван из Ланъя и видел бесчисленное множество драгоценных камней, так что этот скромный подарок вряд ли произведет на тебя впечатление. Но это лишь искренний дар от твоего младшего шиди в честь твоего двадцатишестилетия.

В прозрачном лунном свете в чистых, словно вода, глазах Ван Чжэня вспыхнуло нечто яркое, подобное блеску звезд.

Спустя долгое время Ван Чжэнь взял подвеску в руки:

— Откуда ты узнал, что сегодня мой день рождения?

Тан Шэнь на мгновение растерялся:

— В прошлом году господин Фу как-то упомянул об этом. Он сказал, что закрутился в делах и забыл поздравить тебя с прошедшим днем рождения. Тот разговор состоялся восьмого числа десятого месяца. Разве твой день рождения не шестого?

Ван Чжэнь бережно провел пальцами по гладкому нефриту:

— Все верно. Просто седьмого числа десятого месяца празднуется день рождения Его Величества, и все чиновники в столице заняты подготовкой к торжеству. Из-за этой суматохи я и сам порой забываю, что родился шестого числа.

Тан Шэнь и не подозревал о подобных тонкостях, а потому, не задумываясь, выпалил:

— В таком случае я буду помнить об этом дне вместо тебя, шисюн.

Ван Чжэнь резко поднял голову и пристально посмотрел на Тан Шэня.

— ...Шисюн?

Неужели он чем-то разгневал Ван Цзыфэна? Может, лесь в этот раз оказалась недостаточно тонкой?

Ван Чжэнь посмотрел на него некоторое время, а затем мягко улыбнулся. Он опустил ладонь ниже и коснулся привязанного к нефриту ароматного мешочка. Тот был сшит из темно-синей узорчатой парчи. Ван Чжэнь поднес его к лицу и вдохнул тонкий, ускользающий, но удивительно знакомый аромат.

— Пахнет пионами?

— Здесь смесь травы цзянь и пиона, — пояснил Тан Шэнь. — В «Ши цзин: Песни царств: Чжэнь и Вэй» поется: «Чжэнь и Вэй разлились широко... Юноши и девы держат в руках ароматную траву цзянь. Дева говорит: "Пойдем посмотрим?" Юноша отвечает: "Я уже смотрел". "Давай пойдем еще раз посмотрим! Там, за рекой Вэй, так просторно и весело". Весело шутят юноши и девы, даря друг другу пионы». Я подумал, что шисюн получил свое имя в честь реки Чжэнь из

этой песни. Разве я ошибся?

Ван Чжэнь мягко посмотрел на него и с улыбкой ответил:

— Нет, все верно.

От автора:

Малыш Тан: Попав в древние времена, первое, чему я научился — это льстить! Шисюн, неужели я сделал это недостаточно хорошо?

Сосед Ван: Превосходно. *улыбается*

Ван Чжэнь поднялся из-за стола и сразу же прикрепил нефрит вместе с ароматным мешочком к своему поясу.

Увидев это, Тан Шэнь слегка опешил, но промолчал.

Какие обычаи соблюдали древние в день рождения, Тан Шэнь толком не знал. Покопавшись в памяти, он пришел к выводу, что нужно съесть хотя бы лапшу долголетия. Но у него на родине лапшу обычно ели в обед, а вечером устраивали пир. Помявшись немного, он все же спросил:

— Шисюн, ты уже ел лапшу?

Ван Чжэнь, разумеется, сразу понял, к чему тот клонит, и обратился к управителю:

— Подай две пиалы лапши.

Управитель тут же передал слугам:

— Подать две пиалы лапши долголетия.

Тан Шэнь впал в ступор.

Раз уж день рождения у Ван Чжэня, тот и должен был есть лапшу долголетия, но почему слуги приготовили ее на двоих? Тан Шэнь даже не успел возразить: слуга, получив приказание управителя, со всех ног бросился на кухню. Вскоре он вернулся в сад, неся на подносе две пиалы с лапшой.

Тан Шэнь уставился на стол, не зная, что и сказать.

— Младшему шиди не по вкусу лапша?

— Вовсе нет.

Ван Чжэнь напустил на себя суровый вид:

— Значит, стряпня здешних поваров не пришлась тебе по вкусу.

— Да нет же!

— Тогда ешь.

Тан Шэню ничего не оставалось, кроме как взять палочки и приняться за еду. Сделав три или четыре глотка, он заметил, что Ван Чжэнь съел всего одну лапшину и отложил палочки в

сторону. Тан Шэнь с недоумением спросил:

— Шисюн, почему ты больше не ешь?

Ван Чжэнь посмотрел на него с искренним удивлением и ответил как нечто само собой разумеющееся:

— Мы ведь только что поужинали, я сыт по горло. С чего бы мне продолжать?

Тан Шэнь лишился дара речи.

«Если ты наелся до отвала, то я, по-твоему, голоден?!» — мысленно взвыл он.

Тан Шэнь в полнейшем недоумении тоже бросил палочки, отказавшись давиться этой злосчастной лапшой, и мысленно обругал Ван Цзыфэна последними словами. Однако едва тот негромко позвал: «Цзинцзэ», Тан Шэнь тут же услужливо отозвался. И сразу после этого ему безумно захотелось вlepить самому себе затрещину. Какое позорище! Ну погоди, Ван Цзыфэн! Сейчас мне приходится заискивать перед тобой, но когда-нибудь в этом больше не будет нужды, и тогда мы еще посмотрим!

Братья-соученики побеседовали еще немного, после чего Тан Шэнь откланялся. Ван Чжэнь лично проводил его до ворот Резиденции министра.

<http://bllate.org/book/18292/1754528>